

⁵⁰ Там же. С. 465.

⁵¹ Ницше Ф. Соч. Т. 2. С. 701.

⁵² Там же. С. 241.

⁵³ Шестов Л. Афины и Иерусалим. С. 463.

⁵⁴ Ясперс К. Ницше и христианство. С. 11.

⁵⁵ Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше. С. 150.

ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА
ПУСТАРНАКОВА
(5 мая 1934 – 6 февраля 2001)

Публикуемая статья безвременно ушедшего замечательного ученого, доктора философских наук, историка философии Владимира Федоровича Пустарнакова – начало задуманного им фундаментального труда “Русско-французские философские связи”, труда, занимавшего его в последние месяцы жизни. Как всегда и во всем, над чем бы Владимир Федорович ни работал, и здесь – та же основательность и скрупулезность исследователя, тщательное сопоставление фактов и мнений. Примечательно, что тема последних научных изысканий В.Ф. Пустарнакова совпала с его ранними научными интересами времен студенчества в МГИМО, а именно проблемы западноевропейской истории. Прекрасное знание этой проблемы повлияло на формирование его взглядов и убеждений как ученого-западника в традиционном и прекрасном смысле этого слова.

Прерванная в самом начале работа должна была стать новым достижением в историко-философской науке, свидетельством высочайшей философской эрудиции, научной бескомпромиссности и фантастической работоспособности Владимира Федоровича, известной всем, кто его знал. Публикуемая статья – это та канва, по которой предполагалось вышить прихотливый узор русско-французских философских связей. Это – только предыстория, по сути – краткий очерк дипломатических отношений между Россией и Францией X–XVII вв., тогда еще столь редких и бесплодных, что невозможно представить франкоговорящую Россию XIX в. и русский Париж века XX. Тем не менее с отсутствия всяких связей Владимир Федорович намеревался выстроить то, без чего невозможно представить существо русской мысли второй половины XVIII–XIX в. Вероятно, главным образом речь пошла бы о влиянии, о французском влиянии на формирование и направление развития русской философии, а в какой-то степени и культуры.

Вот что Владимир Федорович предполагал отметить во Введении: «Учитывая то обстоятельство, что в историографии было весь-

ма распространено расширительное представление о понятии “влияние” (так, идейным источником того или иного русского мыслителя нередко считается весь круг его чтения), мы старались придать понятию “влияние” более строгий смысл, имея в виду полное или частичное одобрение русским мыслителем той или иной идеи французского автора, ее заимствование, т.е. ее включение в том или ином объеме в их мировоззрение, с учетом того, какие идеи при этом не принимались, отвергались. Привлекательно, например, звучит утверждение, что “одним из идейных источников мировоззрения Мордвинова является просветительская традиция XVIII в. Еще в молодые годы Мордвинов читал произведения Вольтера, Монтескье, Руссо, Гельвеция, Гольбаха, Дидро” (История философии в СССР: В 5 т. М., 1968–1988. Т. 2. С. 158). Но проблема заключается в том, чтобы определить, а что дало такое чтение, какие просветительские идеи Мордвинов усвоил, превратил “чужое” в “свое”.

Можно взять более явный пример. Бесспорно, русские масоны читали, изучали сочинения французских просветителей XVIII в. Но они это делали для того, чтобы полемизировать с ними, обличать их, ничего не заимствуя, все отвергая.

Конечно, уже сам факт перевода того или иного французского автора имел значение. В своей совокупности переводные сочинения характеризовали важную сторону идейной и культурной жизни страны. Есть статистические данные о том, сколько было переводной французской литературы в те или иные десятилетия XVIII в. по сравнению с переводами с немецкого или английского. Эти данные, конечно, ориентируют в общей ситуации. Но, думается, что между количествами переводной философской литературы и объемом ее влияния на русских мыслителей прямо пропорциональной связи не было. Во второй половине XVIII в. в России переводов с французского было гораздо больше, чем с немецкого. Но в сфере теоретической философии, как мы убедимся, немецкое влияние было гораздо более сильным, чем французское. К тому же следует учитывать, что русские мыслители опирались не только и не столько на переводную литературу, сколько на книги на языке оригинала».

Владимир Федорович был азартен в работе, иначе откуда бы брались силы ежедневно с 9 утра быть на своем излюбленном месте в библиотеке. В своих поисках он шел, не оставляя прорех, просматривая труды и преподавателей, и кабинетных ученых, и публицистов, и деятелей культуры. Занимаясь проблемой философских связей, Владимир Федорович приговаривал, бывало, что ему очень интересно узнать, что же остается в “сухом остатке”. При этом он исходил из убеждения, что любое влияние на русскую мысль в переплаве российских реалий дает оригинальную русскую философию. То самое “превращение чужого в свое”.

За 2001 г. к печати были подготовлены две монографии Владимира Федоровича: “Философия Просвещения в России и во Фран-

ции: опыт сравнительного анализа” (19 а.л.) и “Университетская философия в России: основные центры, персоналии, идеи, место в культуре” (53 а.л.) – то, что он успел закончить. С публикацией этой небольшой работы Владимира Федоровича Пустарнакова мы встречаемся с замечательным человеком, большим ученым, нашим другом, товарищем, коллегой.

Ирина Худушина

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В.Ф. ПУСТАРНАКОВЕ

Владимир Федорович Пустарнаков пришел в Институт философии, не имея ни специального философского образования, ни опыта работы с философскими текстами. И то и другое ему пришлось приобретать уже в Институте большим, напряженным трудом. Мне не очень нравится широко вошедшее сейчас в обиход слово “трудоголик”, но по смыслу своему оно вполне может быть применено к Владимиру Федоровичу. Он трудился много, напряженно, упорно, целиком отдаваясь работе, живя ею. Я работала рядом с ним немало времени и видела этот его большой и упорный труд – и в монографии «“Капитал” К. Маркса и философская мысль в России» (я была ее ответственным редактором), и в пятитомной “Истории философии в СССР”, и в книге “Философия Шеллинга в России”.

Книгу “Философия Шеллинга в России” мне хочется упомянуть здесь особо, как наглядный пример огромной работы Владимира Федоровича. Он был не только ее редактором, но и автором большого ее раздела – «Основные вехи истории и особенности развития российского шеллинговедения и истории “русского шеллингианства”». В разделе этом Владимир Федорович стремился представить историю русского шеллинговедения в XIX в. с максимально возможной в рамках данной книги полнотой, не упуская ни одного сколь угодно существенного и характерного явления в истории идей философии Шеллинга в России. Для выполнения этой задачи ему пришлось исследовать массу разнообразных материалов – от монографий до журнальных публикаций. Помню, как покойный Захар Абрамович Каменский – известный исследователь истории русского шеллингианства – говорил, что нельзя не восхищаться проделанной Владимиром Федоровичем огромной работой.

Стремление к возможно более полному изучению фактического материала, оказавшееся и в данной работе, и в других работах Владимира Федоровича, не было для него самоцелью. Скорее оно было следствием ряда характерных для него, как историка русской